

- ³ См *Vaillant A Grammaire comparée des langues slaves*, Paris — Lyon, t. IV 1974, 556
Из более ранних работ (вслед за В Шульце) *Berneker I*, 596, *Фасмер II*, 278
- ⁴ См рецензию О Н Трубачева, указанную в прим 2
- ⁵ См *Орел В Э* Албанский и южноиндоевропейские языки // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока Тез и докл конф М., 1984 Ч 1, 77
- ⁶ См *Куркина Л В* Изоглосные связи южнославянской лексики II // *Этимология* 1976 М., 1978, 30
- ⁷ *Горячева Т В* Рец на кн *Этимологические исследования* Свердловск, 1981 // *Этимология* 1982 М., 1985, 169
- ⁸ См *Илич-Савич В М* Опыт сравнения нестратических языков *Сравнительный словарь (р — г)* М., 1984, 41
- ⁹ См *Горячева Т В* Заметки по этимологии русских народных метеорологических терминов // *Этимология* 1977 М., 1979, 102—103

Вяч Всев Иванов. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983. 198 с.

Эта книга — самая последняя работа Иванова из серии его трудов по истории названий металлов. Предшествующие статьи Иванова по этому предмету (1975—1979) перечислены в библиографии в конце книги (с 174).

История названий металлов привлекает внимание языковедов с давних пор. Последнее надежное и тщательное исследование индоевропейских названий металлов принадлежит Шрадеру — *Sprachvergleichung und Urgeschichte* (1-ое изд. — 1883, 3-е изд. — 1906). После этого произошли огромные изменения в наших знаниях по истории индоевропейских языков (например, расшифровка хеттского), и было много написано о названиях металлов. В связи с этим возникла потребность вновь обратиться к индоевропейским названиям металлов, пусть даже лишь в части из них.

К сожалению, эта книга, несмотря на ее многие хорошие моменты, не удовлетворяет этой потребности даже отчасти.

Иванов ставит перед собой цель достижения лингвистическими средствами результатов, которые могут быть сопоставлены с тем, что установлено при изучении истории культуры и археологии. Это прекрасная цель. Однако в своей книге он уделяет больше всего внимания истории культуры и археологии, так что трудно сказать, являются ли его результаты лингвистическими и, следовательно, достиг ли он своей цели.

Глава I (с 7—52) называется "Ранняя история металлов и проблемы происхождения и распространения их названий (от меди к железу)". Эта глава посвящена почти исключительно археологии и истории материальной культуры, не считая лишь трех страниц, где изучаются хорошо известные лингвистические факты. Этимологизация Ивановым чжурчженского термина 'an-*ṣ*'in 'золото' сомнительна. В И Цинциус и Т Г Бугаева производят это слово из праформы *altun. См их статью "К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках" в кн *Исследования в области этимологии алтайских языков* (Л., 1979, 20—22). Единственным лингвистическим утверждением в первой главе, которое имеет отношение к названиям металлов и пока не стало общеизвестным, является положение Иванова, что "все древние языки Малой Азии заимствуют название железа из языка хатти, где железо называлось *ḫawalki*" (с 42). Здесь, как и во многих других местах, Иванов, по-видимому, следует за Камменхубер, хотя и не ссылается на нее (см *Камменхубер А* Хаттский язык [гл I, §4] // *Древние языки Малой Азии* М., 1980, 3. Немецкий оригинал *Handbuch der Orientalistik, Bd II, Altkleinasiatische Sprachen* [Leiden—Köln, 1969]). Иванов настаивает на том, что элемент *ḫa-* был характерным префиксом, присущим хаттскому. Он обсуждает это более подробно в главе IV (см ниже).

Глава I содержит очень хорошую, надежную информацию по археологии и истории материальной культуры. Можно не согласиться с утверждением, что торговля железом в Малой Азии находилась под исключительным контролем хеттов (с 40, 43 и т д). По

крайней мере, один ученый с этим не согласен (см *Macqueen J G The Hittites and their Contemporaries in Asia Minor Boulder, Colorado, 1975, 51*)

В действительности Иванов сам далее признает, что это спорно, см с 96 Тем не менее, глава I является очень хорошим, основательным вступлением к нелингвистической истории металлов Можно лишь сожалеть, что это нелингвистическое вступление не сопровождается столь же хорошим и основательным обращением к языковедческой стороне вопроса о названиях металлов

Глава II (с 53—80) называется "Соотношение систем символики древнейшего малоазиатского и балканского культурных очагов, связанных с развитием металлургии" В этой главе Иванов характеризует развитие от верхнего палеолита к неолиту и началу "медного века" Он сосредоточивает внимание на Чатал-Гююке, но характеризует также и другие культурные центры

Сначала автор рассматривает развитие письменности из "предписма", а также мифов, ритуалов и искусства Затем он обсуждает изменения в экономике Чатал-Гююка и дает основную информацию по археологии и материальной культуре Заканчивает главу он обсуждением вопроса о связи традиций Чатал-Гююка с традициями других культурных центров в Малой Азии, на Балканах и т п

В этой главе также можно подвергнуть сомнению некоторые моменты, например, положение, что именно в Чатал-Гююке человек впервые стал выплавлять медь из руды (с 73) Но в целом эта глава, подобно главе I, очень интересна Глава II, как и глава I, включает в себя очень мало того, что должно быть предметом содержания этой книги лишь на с 59 демонстрируется таблица, которая показывает, как "предписменный" символ металла развился первоначально в шумерскую пиктограмму и через ряд промежуточных стадий весь путь его изменений завершили нововавилонским клинописным символом металла

В главе III (с 81—87), "Роль металлургии долины Инда и проблема шумер *Meluhha*, др-инд *mleccha*", Иванов заключает, что шумерское слово *Meluhha* (топоним) в конечном счете было заимствовано из языка протоиндийской цивилизации, вероятно, — из дравидского Санскритское *mleccha* 'варвар' заимствовано из того же источника, по-видимому, в более позднее время

Глава IV (с 88—99) называется "К истории древних названий металлов в южно-балканском, эгейско-малоазийском и средиземноморском ареалах" В ней рассматривается лишь одно название металла, именно хаттское *hawalki* 'железо' (и иные формы этого бродячего слова в других языках)

Иванов утверждает, что хатт *hawalki* (с 42) или *hapalki* (с 95) может быть фонетически интерпретировано как [xafki] Он не приводит доводов в поддержку этого утверждения и не объясняет, как возможно сделать точную фонетическую транскрипцию слова из языка, ставшего мертвым 3 000 лет назад, особенно когда автор сам признает, что хаттский язык не очень хорошо изучен (с 5, также Камменхубер, гл I, §1) Иванов использует эту фонетическую интерпретацию хаттского слова в поддержку своего положения, что хаттское слово было заимствовано в греческом языке в процессе формирования слова *khálubos* (этноним) "невозможное для греческого языка сочетание согласных *f/wlk* преобразовано в -луβ-" (с 98) Автор утверждает, что это же слово было заимствовано в греческом также в более ранний период и дало микенское *ka-ko* 'медь, бронза', греч у Гомера *χαλκός* то же и т д Он также заявляет, что "балт **g'eig*^h (лит *geležis* 'железо' как и слав *g'eig*^h, рус *железо* и т п) закономерно соответствуют греч **k^hlk* -> *χαλκ-*" (с 99) и что это соответствие позволяет датировать заимствование третьим тысячелетием до н э

Иванов интерпретирует элемент *ha-* как хаттский префикс и высказывает предположение, что он мог иметь локативное значение (с 95) Для иллюстрации этого он приводит примеры *ha-pi/wi-wina-n* 'среди людей = на языке людей' и *ha-prašš-un* 'как у леопарда, леопардово' Он утверждает, что наличие префикса *ha-* в слове *hapalki* указывает на хаттское происхождение этого слова Конечно, все, на что это действительно указывает, есть то, что данное слово прошло через хаттское посредничество, но не на то, что хаттский был его первоначальным источником по-видимому, этот префикс был продуктивным, и если слово типа *palki было заимствовано хаттским в несколько более ранний период, оно могло легко приобрести этот префикс

Любопытно, что один из примеров, которые приводит Иванов, затрагивает вопросы о его фонетической интерпретации слова *hapalki* Если хатское *hapalki* действительно произносилось [xafki] и если эта префигурированная форма послужила

первоначальным источником греческого, балтийского и славянского слов, тогда почему та же логика теряет силу в отношении слова со значением 'леопард'?

Применяя рассуждение Иванова к хаттскому названию леопарда *ha-pra33-un* мы едва ли могли ожидать, что это бродячее слово даст русское *барс*.

К счастью, можно допустить совершенно иную последовательность явлений, которая объясняет факты столь же хорошо и которая не строится на какой-либо необычной фонетической интерпретации хаттского слова.

В греческом индоевропейские лабиовелярные давали лабиальные звуки в определенном фонетическом окружении. Вполне возможно, что то же самое звуковое изменение встречалось в других языках Восточного Средиземноморья. Если мы допустим, что там существовал ранний бродячий термин, имеющий форму, $*g^{uh}/g^{h}$ или что-то подобное, и что он подвергся тому же звуковому изменению в какой-то момент его истории, то тогда он мог видоизмениться в слово типа $*palk-$, которое в ту пору было заимствовано хаттским языком. В хаттском языке к нему мог быть добавлен префикс *ha-*. Затем хаттское слово могло перейти в хеттский, хурритский и аккадский, как полагает Иванов (с 95), вслед за Камменхубер. Если мы примем в расчет чередование гласных и закон Грассмана, то этот же гипотетический бродячий термин может быть использован для объяснения греческой, балтийской и славянской форм. Нет необходимости принимать хаттское посредничество для этих языков. Фонетические соответствия не являются безупречными, но если мы примем во внимание, что имеем дело скорее с бродячим термином, чем с исконным индоевропейским словом, то тогда эти отклонения не будут слишком неоправданными.

Глава V (с 100—106) называется "О происхождении некоторых славянских и балтийских названий металлов". Автор начинает ее с рассмотрения опять-таки слова *hapalki*. Он пишет, что хаттское слово было заимствовано догреческим языком в праформе $*g^{uh}/g^{h}$. Эта форма связывается ясным отношением чередования гласных с балтийской¹ и славянской праформой $*g^{h}el(e)g^{h}$ - гласный *-e-* был введен в корне после заимствования праформы $*g^{uh}/g^{h}$. Для иллюстрации этого аблаутного отношения Иванов предлагает, как он считает, другой пример термина культуры, заимствованного в то же самое время из "прото-анатолийского" хет *halki* 'зерно', которое он сравнивает со ст.-слав *злакъ* 'злак' и рус *диал зело́к* 'молодая трава' (с 101). И здесь этот пример способен скорее поставить под вопрос анализ Иванова, чем иллюстрировать его. Если из *hapalki* действительно возникло рус *железо*, то как тогда могло *halki* привести к образованию рус *зело́к*?

Иванов завершает свое рассмотрение названия железа, говоря о том, как этот бродячий термин распространился в другие языки Восточной и Юго-Восточной Азии (с 101) и о том, каково различие между азиатскими терминами и западноевропейской формой $*\tilde{v}arnom$. Далее, автор рассматривает лит *žvlnas* 'свинец' и т.п. Он говорит, что *žvlnas*, греч *κίονος* 'смальта', хет *kuwanna* 'драгоценный камень' и т.д. являются продолжениями древнего культурного термина, общего для Юго-Западной Азии, но не восходит к общей индоевропейской праформе. Неясно, откуда Иванов почерпнул значения 'медь' и 'сталь' для греч *κίονος* (с 103) (см *Schuchhardt C Schliemann's Excavations L, N Y, 1891, 117—118*).

Иванов рассматривает две проблемы, связывая лит *žvlnas* и т.п. с греч *κίονος* и хет *kuwanna*. Во-первых, трудно совместить лексические значения. Предлагаются два возможных объяснения такого семантического развития. Можно допустить, что этот термин первоначально имел значение 'медь' и что он стал употребляться как обозначение олова (а отсюда и свинца) через связь этих металлов в производстве бронзы, или же можно предположить, что это слово является цветообозначением. В качестве примеров других металлов названных в соответствии с их цветом, Иванов приводит рус *золото* и *олово*. Последнее нуждается в некотором разъяснении. Это единственное место во всей книге, где Иванов хотя бы упоминает название металла $*olovo$. Не всякий согласится, что это цветообозначение, в действительности Иванов сам (см Советское славяноведение, 1979, N 5, 99) связывает $*olovo$ с греч *mólubdos* 'свинец' вслед за Микколой. Неясно, почему Иванов изменил свое мнение и не рассматривает здесь название этого металла. Праслав $*olovo$ вероятно, значило 'свинец' или же употреблялось в равной мере для обозначения и олова, и свинца. Русское значение 'олово' является аномалией. На этом основании $*olovo$ должно было рассматриваться здесь вместе с лит *žvlnas* и т.п.

Второй проблемой, которую Иванов освещает при сближении лит *žvlnas* и т.п. с греч *κίονος* и т.п., является то, что, связывая эти слова надлежащим образом, можно было бы допустить древнюю праформу начинающуюся на $*k^{u}$. Но в анатолийском $*k^{u} > \tilde{v}$ так что здесь не может быть палатального звука. Иванов объясняет оба начальных

согласных в балтийской и славянской формах, а также гласный *-i-* в этих формах как результат "контаминации" этого термина с названием меди *linitis* в хатти" (с 103) Трудно следовать этому положению Иванова Если какой-либо язык и мог быть подвержен контаминации с хаттским, так это хеттский, но хетт *kuwana* не указывает ни на какую контаминацию Каким образом прабалтийская и праславянская формы могли быть "контаминированы" с хаттским, не объясняется

Вслед за этим Иванов рассматривает слова, обозначающие серебро, в славянском, балтийском и германском Он считает древнепрусское *siraplis* наиболее архаичным из них и выводит его из грузинско-заской праформы **wercpɫi-* 'серебро' В поддержку этого положения он ссылается на Климова, хотя Климов этого не говорит Иванов отмечает, что три из четырех вариантов в последовательности плавных, обнаруженных в балтийском, славянском и германском, обнаруживаются также в баскском, но не объясняет, как этот интересный факт поддерживает версию о грузинском происхождении слова В более ранней статье (см "Советское славяноведение", 1979, N 5, 98) Иванов делает вывод (отчасти на основе этих баскских вариантов), что это название серебра уже было представлено в Европе, когда индоевропейцы прибыли сюда Он не объясняет, почему изменил свое мнение Иванов заявляет, что археологические данные о металлургии серебра подтверждают эту картельскую этимологию

Затем Иванов рассматривает лит *auksas* 'золото' Он сравнивает его с хурритским *uḫḫi* 'серебро', армянским *oski* 'золото', финским *vaski* 'медь', тохарским *A was* 'золото' и тохарским *B uasa* то же Эта этимология интересна, но не каждый с ней согласится См В Н Топоров Прусский язык I, 168—170

Иванов производит лит *vāris* 'медь' и т п из корня **var-*, представленного в славянском Семантические связи неясны, так как славянская основа **var-* имеет значение 'варить' и неотъемлемо связана с приготовлением пищи и водой, ср рус *по-вар, за-вар-ка, скр vāri* 'вода' Иванов не рассматривает возможность родства этого слова с марийским *vorġene* 'медь', мансийским *ārgin* то же и т п (см Fraenkel)

Эта допускаемая связь между балтийским названием меди и славянским словом, обозначающим 'варить', как он продолжает, по-видимому, означает собой "пережиток ранней балто-славянской терминологии кузнечного дела" (с 106) Он говорит, между прочим, что "название меди в славянском могло быть вторичным" Здесь Иванов, очевидно, следует Абаеву, хотя он не упоминает его работу ни в тексте, ни в библиографии, Иванов также нигде в своей книге даже не упоминает славянское название *mědь

Далее автор рассматривает древнепрусское слово *wutris* 'кузнец', среднеболгарское *вьтрь* то же и т п, которые, как он утверждает, показывают, что "источники балтийской и славянской терминологии кузнечного дела были в большей степени общими, чем это можно было предполагать" Здесь Иванов полемизирует с Трубачевым, не называя, впрочем, его работы Однако, является ли в действительности *wutris балто-славянским словом? В восточно-балтийском этого слова нет, вместо него имеется лит *kālvis* и лтш *kafējs* то же, и, конечно, в славянском есть слова, возникшие на базе корня **kov-* Было ли в балтийском и славянском по два названия кузнеца в каждом?

В связи с этим Иванов говорит, что кузнецы производили несколько орудий, названия которых были "неразрывно связаны с ранним периодом развития индоевропейских диалектов" Он рассматривает лишь одно название" слав *szьrьp 'серп', лтш *sirpis* то же Он утверждает, что этот термин является "общим" для балтийского и славянского, но в литовском языке этого слова нет, ср *plautivas* то же, как и в древнерусском, ср *piuclan* то же, ср также лтш диал *plautivus* то же (Būga RR II, 564)

В конце своего обзора "общей балто-славянской терминологии кузнечного дела" Иванов говорит, что можно провести "далеко идущее сравнение" между балтийской и славянской мифологией, касающейся кузнечного дела

Эта глава разочаровывает, поскольку в ней упускается слишком многое Некоторые термины не рассмотрены вообще *zolto, *mědьb, *olovo и т д Те же, которые рассмотрены, получают подчас спорную трактовку без надлежащего обсуждения Эта глава недостаточно подробна и не является достаточно обстоятельной чтобы быть критическим обзором сделанного

В главе VI (с 107—144), "Проблема железоделателей-халибов (хаттов) и история железа в Евразии", названия металлов никак не рассматриваются Скорее всего, это попытка доказать генетическую связь между хаттским и северо-западнокавказскими языками С этой целью Иванов также приводит несколько хаттских текстов в конце книги (с

166—168) Я не считаю себя компетентным дать оценку этой теории, которая во всяком случае не относится к предмету содержания книги. К тому же, Иванов написал именно об этом в более новой работе "Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским", в кн. Древняя Анатолия М. 1985

Заключительная глава (с 145—165) затрагивает такие предметы, как эволюция человека, сверхновые звезды, неопознанные летающие объекты и молекулярная биология. Вывод Иванова состоит в том, что разные стороны культуры не могут быть оторваны друг от друга (с 165)

Эта книга очень информативна и интересна, и ее должен прочесть каждый, кто интересуется историей культуры. Однако тех, кто занимается историей названий металлов, эта книга к сожалению, вряд ли удовлетворит. Говоря попросту, в этой книге в действительности Иванов не исследует историю названий металлов, хотя он проделал большую работу для достижения этой цели. Он пробудил наше любопытство, и теперь мы ожидаем от него книгу по истории названий металлов.

Томас Д. Хедден,
Калифорнийский университет,
Беркли

Перевел с английского
Г. Ф. Одицовой

К этимологиям названий металлов

Пользуясь любезно предоставленной мне редакцией ежегодника "Этимология" возможностью присоединить несколько слов к замечаниям рецензента, ограничусь отдельными конкретными этимологиями. Что касается общего плана построения книги, в котором, полагаю, автор должен быть волен (как и рецензент в своей полемике), Т. Д. Хедден не увидел главного того, что центр выплавки железа, по археологическим данным отнесенный к древней Малой Азии в одной главе, в другой главе документируется заимствованиями из древнемалоазиатского языка хатти, поэтому еще в одной главе понадобилась предыстория малоазиатской городской цивилизации, иллюстрируемая Чатал-Гююком, а в последней главе — родственные связи языка хатти. Что же касается префикса *ha-* в хаттских заимствованиях в хеттском языке, это можно проиллюстрировать такими бесспорными примерами, как *ha-le-ntun-a* — детально проанализированные Х. Г. Гютербоком. Анализ клинописных хаттских написаний показывает, что особенности звучания писцами ~~пред~~вались с удивительной точностью. Гипотеза рецензента о начальном лабиовелярном в праформе названия "железа" кажется крайне сомнительной с точки зрения хронологии развития лабиовелярных. Что же до формы без префикса *ha-*, возможно, что ее можно искать в др.-инд. *parśu* 'железо', сопоставляемому с микен. греч. *pa-ra-ku*¹ и соответственно возводимому к праформе типа **pari(u)-*, связанной с *ha-palki-* при допущении развития **l->-r-*, наблюдаемом и в ряде других форм, проанализированных в книге.

Развитие значений греч. *κράσις* в последнее время (в работах, указанных в книге) детально изучено, поэтому ссылки на работы конца прошлого века выглядят как ссылки к антикварной эксцентрике.

В связи со слав. **mědъ* и известными соответствиями в семантике названий металлов и цветов (разбираемыми в книге и упоминаемыми в рецензии) значительный интерес представляет хетт. *miti-*, *miti(t)a-* 'красный, красная шерсть'². Хеттское слово употребляется в качестве эпитета сосудов (кувшинов, чаш) и других видов утвари. Особенно любопытно его использование в ритуале, где речь идет о медной посуде. Таким образом, в конкретных контекстах (синтагматических) слово связано с медью. По написанию и предполагаемому инд. звучанию сближение хетт. *miti-* 'красный' и слав. **mědъ* представляется весьма вероятным.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы быть уверенным в возможности дальнейшего увеличения наших знаний в той области, которую одна книга, безусловно, не может исчерпать.

Вяч. Вс. Иванов